

ва, на заре теоретической этнографии часто принимавшаяся за доказательство исконного характера монотеизма, сосуществует с разветвленными представлениями о различных классах безымянных духов. С другой стороны, в крестьянской культуре наряду с демонологическими существами (лешими, домовыми, русалками и пр.) сохраняется почитание верховных существ, воплощаемых непосредственно в образах протагонистов календарных праздников (Масленица, Коструба, Кострома и др.) То же самое можно сказать по поводу соотношения мифа (мифологии) и фольклора. Ниже мы увидим, что функционирование священного мифа в архаической культуре невозможно в принципе без одновременного создания облегченных, или искаженных («перевернутых»), версий, в которых нетрудно разглядеть уже вполне отчетливые очертания волшебной сказки. И наоборот, в крестьянской культуре жанр волшебной сказки существует параллельно жанру быличек, или мифологических рассказов, а зачастую неотделим от них. Сакральность мифологических рассказов проявляется прежде всего в общеизвестной установке на восприятие их содержания как реальных событий. С этой точки зрения волшебные сказки выступают в качестве экзотерических версий быличек, т. е. рассказов о ведьмах, мертвецах, леших и пр., при давно замеченном исследователями сказок обстоятельстве: лешие, домовые, водяные (а также, добавим, обрядовые образы вроде Масленицы) только в виде очень редких исключений выступают в роли сказочных персонажей. Все это мифологические, следовательно, для традиционной аудитории реально существующие персонажи.

Первобытная сказка

Филологи-фольклористы довольно часто пользуются термином «первобытная сказка», но не приводят примеров этого явления. В аборигенной Австралии образ пожирательницы маленьких детей является экзотерической версией мифологической патронессы инициации — версией, рассчитанной именно на детскую аудиторию. Но прежде чем перейти к вопросу о связи между чисто мифологическими и волшебными персонажами, необходимо рассмотреть саму возможность перехода от мифа к волшебной сказке. Это в свою очередь требует более точного определения того, как соотносятся между собой миф и

обряд в условиях классической первобытности. Кажется, заранее можно предположить, что существует некое ядро информации (в терминах Ю. М. Лотмана «минимальная работающая структура»), которая по-своему интерпретируется мифом и обрядом, что связано с различием выразительных средств: слова и действия. Таким образом, разделение эзотерического и экзотерического по своей сути должно быть эквивалентно разделению мифа и ритуала и позволяет лучше понять соотношение между ритуалом и мифом и в конечном счете между мифом и фольклором.

Опыт изучения австралийской мифологии показывает, что локальная устная традиция существует как единое пространство, единая система *in spe*, в которой отдельные куски («тексты»), называемые мифами, только выделяются, но они *выделяются*. И выделяются по правилам, соответствующим жанровому разделению. В данном случае сам факт или способ привязки к определенным обрядам заменяет жанровую специфику образцов словесного искусства. Поэтому можно говорить о морфологии пространства мифа, каждой части которого свойственны свои пропорции сакрального и профанного — от максимума до минимума. Обратимся к записи мифа о Мутьинге народа муринбата, который, по замечанию У. Станнера, является центральным для обряда инициации [Stanner 1989 : 40].

Старуха Мутьинга спала до самого утра. Люди сказали ей: «Мы оставим детей с тобой, пока будем собирать мед, присмотри за ними». «Да, я буду держать их здесь», — ответила Старуха. Когда все ушли, она сказала детям: «Идите искупайтесь, а затем приходите полежать на солнце, чтобы обсушиться». Выкупавшись, дети вышли из воды, им захотелось спать, и они побежали к Старухе. Она тоже хотела спать и устроила в тени место для сна.

Взяв одну девочку за руку, она обратилась к ней: «Кангиру («внученька»), я поищу вшей у тебя в волосах. У тебя чешется?» Девочка ответила: «Хорошо, поищи». Тогда Старуха, притворяясь, сказала: «А ты поищи вшей у меня» и проглотила девочку целиком. Затем она обратилась к другой девочке: «Кангиру, я уложу тебя спать». И ее она также проглотила целиком. Так она проглотила еще восемь детей (итого: девять. — П. Б.).

Муж с женой, мучимые жаждой, вернулись в лагерь и не нашли детей. «Я не вижу детей, — кричала жена на мужа. — Где они? Что она с ними сделала? Она их проглотила! Их нигде нет. Иди сюда скорее». Мужчина прибежал на зов жены, которая показала ему следы, ведущие к воде. «Побежим коротким путем», — сказала

жена. И они побежали вниз по течению, созывая на помощь других людей, которые вооружались копьями и копьеметалками. Среди них был зрелый мужчина по прозвищу Левая Рука. [Он решил, куда идти дальше:] «Этим путем и этим путем». Пять человек побежали одним путем, пять — другим, чтобы через некоторое время встретиться у брода через реку. Там никого не было, и вода была чистая. Они снова побежали, снова встретились. Вода по-прежнему была чистой и спокойной. И снова они побежали, и снова встретились, вода была чистой. Теперь русло реки стало извилистым, люди поняли, что это Старуха проползла по дну реки. Они опять разделились и продолжили поиски, как прежде. Теперь, встретившись, они увидели, что вода уже не была чистой. Вот и муть, поднятая ее царапающими дно ногтями. И снова они разделились, и снова встретились. Вода стала еще более мутной. Они разделились и побежали по песку в сторону местности Манаварар. Здесь вода была совсем мутной. Они достигают ее!

Теперь все просили Левую Руку, зная его умение владеть оружием, взять копье и Правую Руку — палицу. Первый побежал по одному берегу, второй — по другому, чтобы перерезать путь Старухе.

Они добежали до одного места и стали всматриваться. Никого. Ждали они, ждали и вдруг увидели [в воде] приближающиеся большие глаза. И вот [всплыла] сама Старуха, в обе стороны от нее расходятся волны. Мутьинга здесь!

Она продолжает приближаться, не замечая людей. Когда она была совсем близко, Левая Рука бросил копье, пронзив ей обе ноги. «За что?» — вскричала Старуха. «Ты *знаешь* за что!» — сказал Левая Рука.

Правая Рука бросился в воду и ударом своей палицы сломал Старухе шею. Все было кончено. И тут люди увидели, что живот Старухи шевелится. Тогда они осторожно разрезали ей живот каменным ножом. Там в ее чреве («womb») дети были живыми. Они не прошли туда, где были экскременты.

Левая Рука и Правая Рука извлекли детей одного за другим из чрева, вымыли и повели к костру обсушиться. Затем они раскрасили детей охрой, надели им налобные повязки — знак инициации. После этого Левая Рука и Правая Рука отвели их в лагерь, где они снова увидели своих матерей.

Матери радостно кричали: «Они живы, они живы! Посмотрите, мужчины ведут их сюда. О, наши дети. Что она сделала с вами? Она вас проглотила!» (Stanner 1989 : 40—42).

Сравним содержание рассказа с тем, что наставники говорят неофитам при проведении обряда инициации. Комментируя обряд инициации, аборигены говорили: «Поскольку она (Старуха. — П. Б.) умерла, мужчины теперь владеют только

гуделкой, которая была сделана вместо нее — как ее обозначение, эмблема, символ и знак» [Stanner 1989 : 44]. В примечании У. Станнер приводит другой миф — миф о том, как мужчины завладели *первой* гуделкой. «Кудапун, the apostle bird, который был тотемическим спутником Мутьинги, вырезал гуделку после ее смерти. Он нашел, что гуделка издает особый звук при вращении, но струна оборвалась, и гуделка упала в глубокую воду. Две молодые женщины, отправившись на рыбную ловлю, забросили сеть и вытащили гуделку. Они были напуганы своей находкой, почувствовав, что это плохая, опасная вещь. Мужчины схватили их и увели в буш, где убили, перерубив им шею. С той поры мужчины стали владеть и хранить священные гуделки».

Цель обряда инициации — сообщить неопитам тайное имя Матери Всего, или Старухи, — Карвади и раскрыть им секрет гуделки, звук которой перед непосвященными выдается за ее голос [Stanner 1989 : 7]. При посвящении мальчики *избавляются от страха*, который связан с образом Старухи. На одном из этапов, непосредственно перед началом пантомимы, им говорят, что Карвади якобы проглатывает, а затем выблевывает неопитов [Stanner 1989 : 6—8]. При этом У. Станнер утверждает следующее: женщинам известен миф о Мутьинге, но они не должны знать, что гуделка является ее эмблемой, и в то же время на деле взрослые женщины все-таки знают об этом. Мутьинга — «открытое», или нетайное, имя гуделки. Женщины говорят своим детям, что звук гуделки — это ее голос [Stanner 1989 : 43].

Как подчеркивает У. Станнер далее, рассказывание мифа о Старухе не является составной частью обряда; в отличие от самого обряда этот миф не является чем-то тайным, женщины знают его, по-крайней мере в общих чертах. Неизвестно, как это совместить с другим его не менее категорическим утверждением: «...для всех инициированных мужчин этот миф имеет эзотерический смысл, являясь мужским секретом» [Stanner 1989 : 46].

Таким образом, из описания У. Станера довольно затруднительно вывести различие между эзо- и экзотерической версией мифа о Мутьинге/Карвади, не сталкиваясь с очевидными противоречиями. Вероятно, он невольно смешивает две вещи: то, что мужчины *показывали* ему самому, и то, что мужчины обычно *рассказывают* женщинам, ибо он как автор текста

описания свободно перемещается между двумя пространствами, мужским и женским. Женщины *наслышаны* о мифе, мужчины *знают* миф, т. е. *видят* обряд, как в славянской традиции *знает* знахарь. Настоящий миф исполняется в форме священной песни.

Вероятно, У. Станнер путает понятия «имя Старухи» и «имя гуделки». Этот момент проскальзывает во фразе: «Женщины говорят своим детям, что звук гуделки — это ее голос» [Stanner 1989 : 43]. Здесь У. Станнер допускает явную стилистическую ошибку. Следовало бы сказать по-другому: женщины говорят своим детям, что (устрашающие) звуки, доносящиеся из буша, — голос старухи Мутьинги, пожирающей маленьких детей. Женщины знают о старухе Мутьинге, но не знают ее тайного имени Карвади и не знают (не должны знать) о существовании гуделок, иначе теряется весь смысл инициации с точки зрения «избавления от страха» перед старухой Мутьингой. Обобщая многочисленные данные, можно сказать, что во всех районах Австралии эти культовые предметы ассоциируются со сверхъестественным персонажем, выступающим в роли патрона инициации, и везде существует строжайший запрет на показ гуделок женщинам [Белков 2004 : 17—19]. Например, демонстрация гуделок является частью инициации аборигенов коко яо. Эти предметы запрещено выносить за пределы ритуальной площадки и показывать женщинам; в незапамятные времена гуделка была «найдена» на острове двумя девушками, которых принес туда культурный герой Ивай [Thomson 1933 : 475, 476, 527]. Северные аранда пугают женщин и детей образом Твануирика, который якобы откусывает у мальчиков крайнюю плоть. Они говорят им, что звук (гуделки), который они могут слышать во время обрядов, является голосом этого *страшного* существа [Spencer, Gillen 1938 : 246; Spencer, Gillen 1927 : 587]. Показ мальчикам аранда гуделок является частью первых ступеней инициации. Смысл этого показа в том и заключается, чтобы открыть им секрет, служащий только для обмана и устрашения непосвященных «глупцов». Таким образом, посвященные *видят* миф/гуделки, непосвященные только *слышат* миф/гуделки.

Исходя из формы подачи материалов У. Станнером, пантомима, разыгрываемая на священной площадке во время инициации, должна символизировать идею «проглатывания» и их последующего высвобождения путем «выблевывания». То есть

разница между экзо- и эзотерикой состоит вроде бы только в смягчении идеи высвобождения из чрева Старухи: *разрезание живота* заменяется *выблевыванием*. Когда мальчиков приводят на священную площадку, перед их глазами предстает такая картина. Участники пантомимы в полном ритуальном облачении (охра, перья, пух, листья) сбиваются в кучу в неглубокой круглой яме на священной площадке, где должно произойти явление Матери [Stanner 1989 : 44, 66]. Эта яма является концептуализацией «гнезда» или «лужи» («wallow»), где в жару валяются животные. Затем мужчины заключают мальчиков в свой круг, ставят их на колени и заставляют повторять их движения. После этого круг разрывается, мальчикам велят встать перед группой мужчин («братьев жены»), в руках которых сосуды с кровью. Этой кровью они мажут мальчиков с ног до головы. Неофитам дается понять, что это кровь Матери. Особое значение придается органам чувств: глазам, ушам, носу (ноздрям) и рту (губам). В заключение мальчиков ведут к костру, чтобы от жара и дыма, кровь на теле мальчиков обсохла. К семантике этого акта имеет отношение участие мима, изображающего мясную муху, привлекаемую запахом разлагающегося мяса. В рамках обряда неофиты именуется словом «мясо», или «дикое мясо» (т. е. бесформенный кусок мяса? — П. Б.) [Stanner 1989 : 7, 11].

Однако перечитаем более внимательно то, что делается на священной площадке, полностью скрытой от глаз непосвященных. Оставим только общий контур происходящего. В отношении неофитов используется термин «мясо»; яма, в которой сначала группируются и из которой затем вылезают участники пантомимы, символизирует «гнездо»; мальчиков мажут «кровью Матери»; само действие акцентируется на органах чувств, а кровь должна обсохнуть от жара и дыма костра. К этому можно добавить, что в одном из эпизодов обрядов инициации муринбата гуделка уподобляется пенису в состоянии эрекции [Stanner 1989 : 8]. В целом по Австралии символизм гуделок связан с идеей противопоставления полов и прежде всего с идеей высвобождения сексуальной мужской силы и/или обретения «настоящих» мужских гениталий [Белков 2004 : 17—19]

Учитывая сказанное, центральная пантомима инициации аборигенов муринбата кажется больше похожей, с одной стороны, на имитацию родов, с другой — на способ выражения идеи

«доделывания» первичных человеческих существ, т. е. «вырезания» у них органов чувств (на фоне аборигенной традиции в целом термин «мясо» по своему значению сближается с понятием «зародыша», еще не приобретшего очертаний человеческого тела). Для сравнения приведем пример культа матерей-прародительниц Сестер Дьянгувал из Северо-Восточного Арнемленда. В местном мифе говорится, что первые люди были либо рождены Сестрами, либо извлечены из священной сумки дилли; причем, производя детей на свет, Сестры «доделывали» их, например, отделяя пальцы один от другого и т. п. [Berndt, Berndt 1999 : 254]. С точки зрения сущности различия между эзо- и экзотерической версиями, разворачивающимися в двух локусах, мы вернемся к анализу цикла Кунапипи, который достаточно подробно описывался выше [Berndt, Berndt 1999 : 282—286].

Нетрудно заметить, что перед нами два противоположных мотива, объединенных в одну систему. Версия для посвященных содержит мотивы рождения из лона Матери-прародительницы, символизируемого канавой *ганала* на священной площадке. Версия для непосвященных связана с идеей проглатывания неопитов Юлунгулом и их чудесного спасения из его чрева, символизируемого навесом *дьебалманды* за пределами священной площадки. Таким образом, закон переворачивания мотивов и образов по оси «белое—черное» при переходе («просачивании») из одного подпространства («жанра») в другое был разработан еще на самых ранних стадиях развития мифа.

Не менее интересно пронаблюдать, как обрядовая (истинная, «видимая») и внеобрядовая (ложная, «устная») версии распределяются по трехчленной шкале сегментации обряда А. ван Геннепа. Элементы версии, связанные с образом Юлунгула, сосредоточены на начальном и заключительном этапе, т. е. в профанном пространстве, а элементы версии, связанные с образом Сестер Вавалаг, — в «центре» обряда как с точки зрения временной последовательности, так и с точки зрения пространственной, или *смысловой*. Именно здесь мы находим «исходный локус» композиции волшебной сказки, что вроде бы подтверждает известный тезис В. Я. Проппа о ее восхождении к обряду инициации. Однако, во-первых, протagonистами сопроводительного мифа (т. е. всего того, что касается эксплицитной стороны обряда) оказываются вовсе не мальчики, проходящие инициацию, а мифические первопредки;

во-вторых, композиция, которой пользуется волшебная сказка, возникает при живом обряде инициации.

Итак, судя по австралийским материалам, существуют по крайней мере три взаимопереходящих элемента: *обряд инициации*, комментарии к нему, т. е. священный *миф*, и *сказки для детей*, т. е. его ложная, или намеренно искаженная («озагадоченная»), версия. Это алгебра фольклора. Обряд как таковой (его чисто операциональная сторона) есть абсолютная величина, а миф и сказка, эзо- и экзотерическая версия священного знания являются способом придания этой абсолютной величине положительного и отрицательного значения (знак «плюс» и знак «минус»).

Следовательно, по своему происхождению с обрядом инициации *связан* (но не является его описанием!) только один род сказок. Это сказки, где героями выступают похищенные дети, хотя первоначально в роли героев выступали сами фантастические существа-людоеды. Некоторые волшебные сказки и былины еще сохраняют эту реликтовую черту, когда в исходной ситуации представлен не обычный сказочный герой, а его чудесный противник.

Концептуальная целостность (сюжетность) обряда инициации, совмещающего в себе две в сущности исключают друг друга трактовки мифологического события, достигается единством действия его участников в двух различных пространствах, когда мужчины и женщины выступают с двух сторон одновременно. Теперь представим себе, что действие заменяется рассказом, причем только с одной, женской, стороны, представители которой не знают, что происходит на священной площадке в *пограничный период*. В этом случае перед рассказчиком стоит задача соединить максимально непротиворечивым образом то, что ему известно, то, что происходит в момент *отделения и инкорпорации*. Нетрудно предугадать, что в результате мы получим рассказ о Юлунггле, проглатывающем детей, в концовке высвобождающихся из его чрева, т. е. рассказ, подобный мифу о Старухе Мутьинге. Не исключено также, что *для простоты* образ «змея» будет вообще заменен образом «старухи» со змеиными чертами. Как можно было заметить, Мутьинга ведет себя по-змеиному, ее движения уподобляются движениям гигантского гада (см. выше: «Теперь русло реки стало извилистым, люди поняли, что это Старуха проползла по дну реки»). Миф о Старухе Мутьинге — это уже почти

готовая волшебная сказка о похищенных детях. Её окончательная отделка под сказку может состоять лишь в более четкой сегментации по трем ступеням развития действия (мотифемам) и в видоизменении начальной ситуации, где вместо Мутынки должны были бы быть представлены ее жертвы. С другой стороны, известны некоторые, правда немногочисленные, европейские сказки, которые начинаются с введения образа, соответствующего чудесному противнику/испытателю. Ещё одним реликтом данной эпохи можно считать контаминацию образа старухи-людоедки и аналогичных ей по функции женских персонажей элементами «змеинового» начала. Само проглатывание целиком всей жертвы является признаком «змеинового» персонажа.

Композиция волшебной сказки

Об этнографическом или феноменологическом изучении сказки как насущной научной задаче писала Т. А. Бернштам, обратив внимание на тот удивительный факт, что этнографы в исследованиях сказочных «корней» участия никогда не принимали [Бернштам 1995 : 235, 236]. В некоторых отношениях этнографический подход совпадает с прагматическим подходом. Однако, как можно судить по литературе, понятие прагматики у исследователей фольклора чаще ассоциируется с функциональным изучением фольклора, когда под прагматическими аспектами фольклора понимаются коммуникативные и магические функции маркированных речевых актов [Адоньева 2004: 42—52]. Эти исследования, проводимые филологами, вполне «этнографичны», но «непрагматичны» в том плане, что направлены на *отношения между людьми, осуществляющиеся посредством знаков* (по Л. С. Выготскому, знак есть психологическое орудие). Между тем прагматика как отрасль семиотики изучает *отношение между знаками и людьми*. Только так можно войти «внутрь» сказки.

В истории исследований по фольклору использование прагматического подхода связано с двумя крупнейшими открытиями: теорией В. Я. Проппа, согласно которой волшебные сказки обладают единой, неизменяемой на сингулярном уровне структурой (композицией), и теорией М. Пэрри и А. Б. Лорда, согласно которой момент создания эпической песни совпадает